

Илья Эренбург

32403

В
ФАШИСТСКОМ
ЗВЕРИНЦЕ

ОГИЗ
ГОСПОЛИТИЗДАТ - 1944

Маленькие памфлеты, собранные здесь, написаны в дни изгнания немцев. Я писал их между поездками на фронт, под гром московских салютов, когда обитатели фашистского зверинца метались, охваченные огнём.

Вспомним, как они пришли к нам. Шли студенты из Гейдельберга, с лицами, иссеченными на дуэлях; завсегдатаи пивнушек «Берлинер киндель», гордые тем, что могут проглотить тридцать кружек пива и тридцать городов; скотоводы из Померании, с фиолетовыми затылками, знающие на-зубок всех производителей рейха, равно почитающие своих арийских бабушек и геррефордских бугаев; стратеги из Мекленбург-Шверина, уверенные, что человечество это гнилой зуб и что у них в кармане знаменитые «клещи»; генералы с дубовыми листьями, с цитатами из Шлиффена, готовые командовать Волге «щорюк» и ветру «хальт»; сопляки из «Гитлерюгенд», ещё на горшке подымавшие вверх руку и пугавшие мамок криком «зиг-гейль»; ефрейторы, прельщённые человеческой кровью и кровавыми колбасами; гауптштурмфюреры, штурмбаннфюреры, унтершарфюреры. Шли высокорослые и плюгавые, с квадратными тупыми головами, с глазами, как будто сделанными из мутного стекла, с топотом и гоготом, шли пивовары, конторщики, сутенёры, метафизики, деяги, вешатели, сверхчеловеки, колбасники, павианы; шли эс-эсовцы с черепами на рукавах; передвигалась серозелёная саранча; прыгали немки, похожие на ~~свиных~~ гиев; ползли гады из дивизии

«Адольф Гитлер», душегубы, приват-доценты с мордами жаб, кричающие и квакающие палачи.

Они дошли до вершин Кавказа, до калмыцкой степи, до Волги. Где они теперь?

* * *

Мы стосковались по колосьям, по цветам, по счастью. Но мы не можем жить, пока не восторжествует справедливость. Говорили: любовь сильнее смерти. Я скажу: это сильнее любви. На земле много разных языков и разных верований. Для всех найдётся место под солнцем. Но люди не могут жить, пока на земле живут фашисты.

Когда немцы в Бабьем Яру три дня и три ночи подряд убивали беззащитных киевлян, они кинули маленькую девочку в могилу. Раздался крик: «Зачем вы мне сыплете песок в глаза?»—ребёнок не понимал, на что способны фашисты. Этот крик не даёт нам спать: крик младенца, крик совести.

Я вижу, как пройдут по улицам притихшего Берлина сибирские землепашцы, золотоискатели, охотники, механики Ленинграда, токари Москвы, горняки Донбасса, уральские литейщики, ивановские ткачи, колхозники Заволжья, трактористы Украины, кавказские виноделы, лесорубы Севера, пастухи Казахстана, рыбаки, птицеводы, геологи, учителя, студенты, моряки, агрономы, путешественники, мечтатели, любимцы муз, ревнители правды. Они молча пройдут по аллее, которую немцы называли «Алеей побед», по длинной аллее, где высятся уродливые статуи завоевателей; они пройдут мимо тучных и злых валькирий, мимо тощих и злых немок, мимо кривых прусских орлов, мимо паука со свастикой, который пять лет сосал кровь Европы, мимо низости и уродства фашистского зверинца; они пройдут, как справедливость, как подлинная победа человека.

Февраль 1944 г.

Илья Эренбург

О вреде жадности

Немецкие газеты сообщают, что трест «Рейхсверке Герман Геринг» обогатился новым акционерным обществом: «Украинише гезельшафт фюр шталь». Правление этого общества состоит из трёх директоров: Штрейбеля (Днепропетровск), Бейерсдорфа (Берлин), Конради (Днепропетровск).

Жадность Германа Геринга общеизвестна. Рейхсмаршал, сев за стол, не может отвалиться. Он весит свыше семи пудов, и берлинцы уверяют, что между двумя воздушными тревогами он пребывает в убежище: ему трудно подняться по лестнице. Герман Геринг за годы войны прикарманил руду Лотарингии, прядильни Лилля, норвежский азот, французский боксит, заводы Льежа и Пльзеня и сотни других предприятий. Европа превратилась в груды развалин, но для Германа Геринга Европа стала грудой акций. Подсчитывая дивиденды, рейхсмаршал перестал интересоваться военными сводками: в августе 1943 года он не нашёл ничего лучше, как учредить новое акционерное общество в Днепропетровске.

Герр Бейерсдорф в Берлине, возможно, ещё благоденствует, если на его голову не свалилась добротная четырёхтонная фугаска. Что касается двух других директоров, то вряд ли они подыскивают в Днепропетровске помещение для новорождённой фирмы.

Скорей всего герр Штрейбель и герр Конради озабочены поездами, отходящими из Днепропетровска на запад.

Жадность губит—это знают и малые дети. Рейхсмаршалу стоит призадуматься над судьбой своего соотечественника ефрейтора Адольфа Ризера. Названный ефрейтор был найден близ Дмитровск-Орловского—он лежал бездыханный, а рядом с трупом валялся большой мешок. Чего только не было в том мешке: и картошка, и кастрюли, и четыре пары сапог, и крупа, и даже солидный письменный прибор из оникса. Убегая, ефрейтор хотел всё унести с собой, но не выдержал ноши. Когда придёт час расплаты, рейхсмаршал кинется вплавь. Он захватит с собой все ордена, все серебряные ложки Европы. Он возьмёт в зубы пакет акций «Украинише гезельшафт». Но он не доплывёт.

Сентябрь 1943 г.

Румынские гонки

Среди великих исторических событий поговорим о маленьком Антонеску. Этот «потомок древних дакорумын», ещё недавно мечтавший присоединить к Бухаресту Туапсе, переживает похмелье. Бухарестский корреспондент «Газетт де Лозанн» сообщает: «В румынских кругах продвижение Красной Армии на юге России вызывает живейшее беспокойство».

Стремясь успокоить румын, Антонеску устроил гонки на мотоциклах. Скрипачи должны проследовать по маршруту Бухарест—Кишинёв—Одесса. Антонеску приказал, чтобы в Одессе скрипачи «возложили венок на памятник солдатам, погибшим за объединение Румынии».

Шакал хочет ещё раз напомнить о том, что он «присоединил» прекрасную Одессу к своему вшивому и нафиксатуаренному государству. Мы не забудем сб

этом. Антонеску не «подаст в отставку». Шакал, которого румыны называют «рыжей собакой», оскорбляя тем самым добропорядочных барбосов мира, будет пойман и посажен на цепь.

Что касается гонок, то зря скрипачи упражняются. Слов нет, скоро им придётся мчаться в обратном направлении: Одесса—Кишинёв—Бухарест. Только вряд ли они смогут применить свои спортивные способности: мотоциклы возьмут немцы, а гордым дакорумынам придётся «цыкать» на своих собственных.

Сентябрь 1943 г.

Ревнивый фриз

В феврале месяце 1943 года Геббельс объявил о «тотальной мобилизации». В городе Магдебурге, как и в других городах, закрылись кафе, парикмахерские, сапожные мастерские и ларьки, продававшие шнурки для ботинок. Некоторые предприятия всё же уцелели, среди них «Бюро частного сыска Георга Грау, основанное в 1920 году». Почему «частный сыщик» Георг Грау не был мобилизован для работы в гестапо, нам неизвестно, но Георг Грау продолжал трудиться.

Среди бумаг, найденных на убитом немецком солдате Гансе Хиллебранде, имеется письмо от «Бюро частного сыска Георга Грау». Вот что писал частный сыщик солдату Гитлера:

«Магдебург 7 июня 1943

Мною получено ваше письмо от 28 мая с. г. Я согласен взять на себя тщательное наблюдение за вашей супругой. Для проведения этого задания я прошу вас перевести на текущий счёт моей фирмы 100 марок. Если расходы превысят указанную сумму, я сообщу вам дополнительно.

Желаю вам всего наилучшего. Хейль Гитлер!

Георг Грау».

Недавно магдебургская газета писала, что немки, «проявляя преступное легкомыслие», сожительствуют с иностранцами: с итальянцами, венграми, французами, бельгийцами, хорватами. Газета сообщала, что одна жительница Магдебурга приговорена к двум годам тюрьмы «за сожительство с двумя голландцами и одним поляком». Кто знает, не была ли эта универсальная дама госпожён Хиллебранд? Гитлеровцы любят говорить о чистоте расы, но на пятый год войны немки перестали интересоваться расовыми проблемами. Зря потратил фриц сто марок: он мог бы, почитав магдебургскую газету, догадаться о времени проведения своей супруги.

«Хейль Гитлер!»—шепнула фрау Хиллебранд, уводя в подворотню румына или итальянца. «Хейль Гитлер!»—крикнул частный сыщик Георг Грау, получив сто марок. А Ганс Хиллебранд попробовал было удрать из Карачева, но его настигла русская пуля. Он даже не успел крикнуть: «Гитлер капут».

Сентябрь 1943 г.

Эрзац-пророк

Все знают, что бывший ефрейтор Адольф Гитлер мечтал стать Наполеоном. Менее известна другая амбиция фюрера: он метил в пророки. Не раз он уверял тупых немцев, что он, Адольф Гиглер, умеет прорицать.

8 ноября 1935 года он заявил: «Всё произошло, как я предвидел».

В 1939 году он с гордостью объявил: «Все мои предсказания неизменно оправдываются».

14 июля 1940 года он снова воскликнул: «Всё совершается, как я предвидел!»

Итак, фюрер—это пророк, ясновидец, оракул. Посмотрим, как сбываются его прорицания.

4 сентября 1940 года Гитлер предсказал: «В самом ближайшем будущем мы положим конец налётам английских пиратов». О справедливости этого предсказания свидетельствуют развалины Кёльна, Гамбурга, Берлина, Ростока, Дуйсбурга, Дюссельдорфа и сотен других немецких городов.

31 декабря 1940 года Гитлер сказал: «В 1941 году завершится победа национал-социалистского рейха». Теперь на дворе сентябрь 1943 года, и мир поговаривает о близком разгроме национал-социалистского рейха.

3 октября 1941 года Гитлер провозгласил: «Я могу заверить, что Россия разбита окончательно и никогда больше не поднимется». Вслед за этим последовали разгром немецких войск под Москвой, Сталинград, Касторное, Орёл, Таганрог и ряд других побед Красной Армии.

«Падение Ленинграда предвидится в ближайшие дни»,—сказал Гитлер в ноябре 1941 года.

«Германские войска находятся в Сталинграде, и никакая сила не заставит их покинуть этот город»,—прорицал Гитлер в сентябре 1942 года. Действительно, значительная часть шестой германской армии зарыта в сталинградской земле, но многие десятки тысяч немцев, включая две дюжины генералов, покинули Сталинград под надёжным конвоем.

Несколько дней тому назад Гитлер снова попытался пророчествовать. На этот раз он уверял немцев, что они ему преданы и не вздумают его свергнуть. Так как всё совершается наперекор предсказаниям фюрера, немцам придётся в последнюю минуту действительно свергнуть этого маргаритинового Наполеона и эрзац-пророка.

Сентябрь 1943 г.

Жалобы венгерской девы

Когда судебный следователь допрашивает участников солидной воровской шайки, всегда находится какая-нибудь сожительница громилы, которая уверяет, что она абсолютно невинна. Девка с подбитым глазом и с узлом, в котором находится краденое добро, пытается выдать себя за невинную отроковицу: она никому не помогала грабить, она шла на швейной машинке и пела романсы.

Министр без портфеля венгерского правительства Лукач выступил с трогательной речью: «Венгрия не играет никакой решающей роли в нынешней войне. Естественно, она не может оказать решающего влияния на оборот событий. Венгрия никогда не стремилась извлечь выгоды из политической ситуации и готова удовлетвориться необходимым для честной жизни».

Почему венгерская дева стала столь нежной? На неё явно подействовали итальянские дела. Кроме того, бегство немецких дивизий по степям Украины болезненно отражается на нервах будапештских громил. Они лепечут: «Мы не при чём. Мы люди маленькие. Мы хотим честно жить».

Когда Гитлер ворвался в безоружную Югославию, венгры поспешили «извлечь выгоды из политической ситуации». Тогда они не пели, тогда они грабили. Когда немецкая армия прорвалась в сердце России, венгры снова вострепнулись: как бы не пропустить случая поживиться! Мы хорошо помним, как разбойничали гонведы в Воронеже, в Коротояке, в Осколе, в Курске.

Напрасно дева без портфеля поёт романсы о честной жизни. Умеешь грабить—умей держать ответ.

Сентябрь 1943 г.

О пользе бомбардировок

В 1938 году в гитлеровском журнале «Архив фюр биологи унд расен гезельшафт» была напечатана статья под следующим заголовком: «О пользе воздушных бомбардировок с точки зрения расовой селекции и социальной гигиены». Автор заявлял: «Люди, нервная система которых поражена, не могут вынести больших воздушных бомбардировок. Таким образом, воздушные бомбардировки помогут нам обнаружить неврастеников и устранить их из социальной жизни».

Эта статья была написана через год после разрушения испанского города Герники немецкими бомбардировщиками. А год спустя немецкие лётчики начали бомбить Варшаву. 14 мая 1940 года немецкие лётчики разрушили Роттердам. 6 апреля 1941 года германская авиация сожгла Белград. С сентября по ноябрь 1940 года немцы каждую ночь бомбили Лондон. В 1941—1942 годах гитлеровские лётчики методично разрушали Ленинград, Чернигов, Гомель, Торжок, Ливны, Елец, десятки других русских городов были уничтожены немецкой авиацией.

Теперь немецкая печать пламенно протестует против воздушных бомбардировок немецких городов. «Это—величайшее злодеяние»,—пишет «Фелькишер Беобахтер». Газета Геринга «Националь Цейтунг», которая выходит с большими перерывами в полуразрушенном Эссене, 18 июля 1943 года сетовала: «Мы оплакиваем не только смерть наших сограждан, но и те потрясения, которые приходится переживать всем жителям Эссена. Бомбардировки неизбежно отражаются на нервной системе, и сколько впечатлительных натур навеки искалечены варварскими налётами. Сколько талантливых подростков, сколько хрупких немецких женщин доведены до нервных болезней, порой неизлечимых...»

Мы ждём авторитетного выступления журнала «Архив фюр биологи унд расен гезельшафт». Бесспорно, эти расисты должны объяснить жителям Эссена и других немецких городов, что бомбёжки полезны, так как они поражают неврастеников. Но, может быть, сотрудники почтенного журнала тоже заболели неврастений?

Сентябрь 1943 г.

Немецкая сердечность

Геббельс пишет: «Никогда ещё так не сказывалась сердечность немецкого народа, как в эти дни испытаний». По словам Геббельса, немцы, жители восточной и центральной Германии, радушно встречают беженцев из районов, подвергающихся воздушным бомбардировкам.

Передо мной три немецких письма. Они хорошо дополняют статью Геббельса.

Девица Эдит Штарке, проживающая в Лейпциге, пишет своему брату: «У нас на главном вокзале опять масса пострадавших от бомбардировок беженцев, которых надо где-то разместить. Я надеюсь, что к нам никого не вселят, пусть они нас оставят в покое».

Госпожа Шоман пишет мужу из Оберкальбаха: «Если бы нам только удалось избавиться от бохумцев. Какой из-за них беспорядок! Они уже три недели сидят у нас и о талонах не заикаются. Отец страшно зол на это, а я просто не знаю, что придумать».

Эльза Шрамер сообщает мужу: «Мы все считаем, что на наш Пиллау свалилось настоящее бедствие— 300 человек, эвакуированных из Берлина. Причём они с утра до ночи рассказывают, как их разбомбили. Жаль, что бомбы их не ухлопали. У нас говорят, что

лучше было бы, чтобы они остались там, под развалинами, вместо того, чтобы беспокоить и без того изнервничавшихся людей».

Вот она, немецкая сердечность.

Сентябрь 1943 г.

Мораль

Поучительна история жены эсэсовца роттенфюрера Зигфрида Глезера. Эта дама проживала в Берлине на Иоахимсталлерштрассе в прекрасной квартире и была вполне удовлетворена ходом событий. За четыре года войны она украсила своё гнездышко. Впервые, ей удалось получить мебель одной еврейской семьи, убитой гитлеровцами. Потом супруг привозил ей из Франции подарки: картины, вазы, фарфор. Ирма Глезер была горда своим салоном, и по четвергам у неё собирались эсэсовские дамы.

В августе должен был приехать из России роттенфюрер. Ирма оглядела свою квартиру и нашла, что чего-то недостаёт. Недоставало, по её мнению, кресла в кабинете к письменному столу. Что если Зигфрид Глезер во время отпуска вздумает писать мемуары? Правда, роттенфюрер, судя по его неотправленному письму, был скорее громилой, нежели литератором. Но Ирма считала, что кресло в кабинете совершенно необходимо.

Купить? Наивная мысль. Магазины давно закрыты. Существуют однако «бюро по обмену домашними вещами». Госпожа Глезер отнесла чемодан и дамский велосипед. Через неделю она привезла домой прекрасное кресло. Это было в мае. В августе Берлин подвергся сильным бомбардировкам. Госпоже Глезер повезло: её квартира уцелела, но на Иоахимсталлерштрассе было разрушено несколько домов. Ирма, видимо, «впечатлительная натура». Я предоставляю ей слово. Она пишет 17 августа своему мужу: «Мо-

жешь себе представить: нельзя достать ни сундука, ни чемодана. Я так жалела об обмене. Я даже была в этом бюро, я предложила не только то кресло, но и кушетку с тем, чтобы получить поместительный чемодан. Эти господа надо мной посмеялись».

Кончились приёмы. Закрылся салон. Ирма хочет убежать, но куда сложить бельишко? Впрочем, теперь она сможет обменять гражданское платье мужа на рюкзак—ведь ее роттенфюрер убит у Десны.

В этой маленькой истории большая мораль. Германия хотела обменять своё прежнее существование на блеск Парижа, на украинские нивы, на нефть Кавказа, на сапфиры Индии. Она мечтала о троне. Трон приходится менять на суму, а воображаемые сапфиры и горностаи—на разбитое корыто.

Сентябрь 1943 г.

Палачи сюсюкают

Фашистское радио описывает встречу Муссолини с доктором Леем: «Дуче сказал: «Немцы—это большие и добрые дети».

Можно ли выразиться точнее? Ангелочек Муссолини очарован нежностью Лея. Ведь дуче невинен. Что он делал в жизни? Да только шалил. Шутя он травил ипритом абиссинцев. Шутя убивал испанских детей в Малаге и Барселоне. Шутя напал на Францию и Грецию. Играя в прятки, залез на Дон. Это были милые игры большого, пухлого Бенито. Теперь он встретился с другим младенцем и расчувствовался.

Много лет тому назад, резвясь в кёльнском ресторане «Ратскеллер», детина Лей поломал рёбра двум посетителям. Потом Лей занялся членовредительством в мировом масштабе. Не удивительно, что он умилил беглого дуче.

Гитлеровцы — «большие и добрые дети». Замечательно сказано. Лучше не придумаешь. Они сожгли Варшаву и Роттердам, Белград и Чернигов? Ах, не говорите, эти детки любят играть со спичками. Они вешают? Да, у них такие игры. От своей детской доброты они расстреливают детей. Они закапывают живых в могилу: они ведь шалуны. Они вытоптали Европу: детки разыгрались...

Звериный вой не похож на лепет, и Германия Гитлера не сойти за детский сад. Детоубийцы не получают каши ни манной, ни берёзовой. Их ждёт другое: эшафот.

Ноябрь 1943 г.

Фриц-колбасник

Германская армия терпит одно поражение за другим. Немецкие газеты вызывают: «Час серьёзен! Что будет с великой Германией?»

Ефрейтор германской армии Франц Зокол тоже мучительно переживал отступление. О своих душевных муках он написал господину Шефферу и госпоже Шеффер, проживающим в Мюнхене. Ввиду поспешности немецкого отступления это письмо попало в мои руки. Вот его дословный перевод:

«Мои дорогие!

Спешу вам сообщить, что я вчера написал моей Анни о свинье. Я знаю, насколько вам это нужно, а для меня свинья это чересчур много, я не могу съесть свинью за несколько дней. Я думаю, что можно её засолить в литровых банках. Для этого мне нужны банки, но прежде всего машинка для заупорки. Мне сказали, что хозяйки употребляют такие машинки для засола всевозможных вещей, значит вы сможете её раздобыть. Вес такой машинки полтора кило. Банки я частично могу достать здесь, но лучше будет, если вы пришлёте мне соль в литро-

вых банках. Имеются три сорта банок: из чёрной жести, из белой и с резиновым кольцом, из чёрной мне не подходят. Если вы сможете вместе с моей Анни раздобыть машинку и банки, я заколю свинью. Если вы не достанете, я заколю её только зимой, так как я рассчитываю получить отпуск в декабре, тогда мясо сохранится в дороге. Но я не знаю, смогу ли зимой достать свинью? Ведь теперь русских жителей выселяют, а русские не имеют права убивать свой скот. Вы можете получить марки на килограммовую посылку, присоедините марки, которые я послал моей Анни. Соединив два талона на килограммовую посылку, можно выслать и машинку. Кроме того, я отправил Анни около сотни коробочек для стограммовых посылок, их можно связывать. Мои товарищи здесь получали по восьми в день таких посылок. Некоторые из них наладили дело, они механики и сами умеют запаковать жестянки, но надо сказать, что они посылают домой по одной банке в месяц, и это несравнимо с моими планами. Если можно, купите талоны на посылки. Во всяком случае сядьте с моей Анни и хорошенько обсудите все возможности. Может быть, Анни дадут на заводе лишние марки? Так или иначе, нужно помочь мне, потому что я не могу больше спокойно спать, я все время думаю, как бы это устроить? Я уже писал моей Анни, что мне не терпится заколоть свинью. Я уже здесь всё подготовил. Не будь так тепло, я попробовал бы послать просто почтой, но посылки идут слишком медленно, а если я буду ждать морозов, я могу прозевать всё. Поймите это и действуйте. Шлю всем вам приветы.

Франц».

Немцы отступали. Гибли приятели Франца Зокола. Но колбасник думал об одном: как засолить свинью? Он страшно страдал: отчего нельзя сожрать свинью в один присест? Он не спал ночами, он то-

мился, этот бравый ефрейтор германской армии: где же жестянки, где соль, где машинка для закурки? Русская пуля избавила его от душевных терзаний.

Ноябрь 1943 г.

Заря возмездия

Немало грабителей лежат мёртвыми среди степей Украины. На них находят письма. Эти листочки свидетельствуют, что и соучастники разбоя уже видят начало расплаты.

Вернер Клуге (п. п. 06052 D) был некогда актёром. Потом он стал унтер-офицером армии грабителей. Он убит. В его кармане нашли пачку писем от берлинской певицы Герты Пули. Она описывает, как живёт столица Германии.

«2 августа 1943. Вчера был день рождения госпожи Вейде. Она выставила бутылку вина и торг с «военным кремом». Надо украсить те несколько часов, которые, может быть, нам осталось жить.

Всё здесь обстоит очень печально. Люди оставляют свои дома, не зная, когда они вернутся и вернутся ли. Невозможно описать, что делалось, когда объявили об эвакуации. На вокзалах столпотворение. Все носятся с чемоданами, с одеялами, с детскими колясками, с детьми на руках. Часть берлинцев переехала за город. Они умоляют крестьян, чтобы им разрешили переночевать. Некоторые ночуют в палатках. При этом берлинцы ведь, собственно говоря, ещё ничего не пережили. Мою мать я тоже отправила, то-есть я её отвезла на вокзал вместе с чемоданами. Поезд шёл в Киль. Ты не можешь себе представить, что там творилось! В конце концов мы всунули мать в окошко вагона. Мать была в ужасном состоянии и плакала. Она пишет, что поездка была страшной. Четыре раза им пришлось пересаживать

ваться, так как ни один поезд не идёт больше через Гамбург. В Эльсборне тоже уцелел только вокзал. На службе у нас всё готово, чтобы перебраться за город. Дела запакованы».

Так выглядел Берлин до сентябрьских дней. Вот письмо той же Герты Пули после.

«18 сентября 1943. Я решила писать на машинке, так как после пережитого мой почерк стал таким неразборчивым, что ты вряд ли смог бы прочесть. Как мне тяжело писать тебе обо всём этом! Ночью с 3 на 4 сентября Берлин опять пережил тяжёлое воздушное нападение. На следующее утро Карл мне позвонил и сообщил, что дом Шмидтов совершенно разрушен. Всё твоё имущество погибло, а сами Шмидты пали жертвой, они лежат, погребённые под обломками, в убежище. Солдаты раскапывали сутки, так как до субботы ещё были слышны постукивания. Как ужасно всё, что мы пережили! Моабит—это кошмар. Вдоль улиц стоит мебель, в большинстве случаев негодная, её успели вытащить. Дома, как после битвы. Так я себе представляю разрушенную в своё время Варшаву. Здесь царство смерти, настоящий танец мёртвых.

Каждый вечер ложишься с мыслью: доживу ли я до утра? Всё это мы пишем вам, которые сражаются, чтобы обеспечить нам мир. Мы не хотим вас обескуражить, но этого нельзя скрыть.

Кафе на Курфюрстендаме переполнены. Бегают какие-то странные люди, их надо бы прямо направить в сумасшедший дом.

Все уезжают. Не знаю, будут ли эвакуированы все высшие учреждения. Мы этого ждём. В убежищах стало просторней.

Распоряжения неопределённые. Возможно, что нас расквартируют в маленьком местечке. Учреждения будут распределены по палаткам, здесь же придётся ночевать. Крестьяне недовольны, что беженцы всё

пожирают. Если бы было вино, я напилась бы, вот и всё».

Герта Пули не случайно вспомнила про Варшаву. Волны от тяжёлых бомб благотворно отразились на её умственных способностях. Она вспомнит ещё и Роттердам, и Гомель, и Ленинград. Она многое вспомнит, если только её воспоминаний не оборвёт сострадательный осколок фугаски. Они хотели уничтожить мир, и вот над ними занимается кровавая заря возмездия.

Ноябрь 1943 г.

«Великая Румыния»

Год тому назад «президент румынской академии наук» некто Симиенеску писал: «Потомки древних дакорумын обитают на всём пространстве от Тиссы до Волги». Это было напечатано чёрным по белому в румынской газете «Тимпул».

«Потомки древних дакорумын» тогда действительно находились у Волги: их привезли туда немцы. Были среди румын дураки, которые искренне верили, что они будут разводить на Волге арбузы и есть икру.

Год тому назад румыны считали Одессу губернским городом «великой Румынии». На улице Анто-неску мадам Бардонеску открыла роскошный публичный дом для румынских аристократов. В Одесском университете полуграмотные скрипачи, приятели «академика» Симиенеску, читали лекции о величии дакорумын, а румынские жандармы травили газами одесситов, прятавшихся в катакомбах.

С тех пор многое изменилось. Под Сталинградом немецкая пехота, отоцвав, скушала румынскую конницу. Румын побили у Волги. Румын побили и на Кубани. Румын стало меньше, и румыны перестали

думать о дакорумынах: они заинтересовались своей шкурой.

Однако это непоседливый народ. Они и теперь рвутся подальше от родных мест, только сейчас они мечтают не о Волге, а о Швейцарии. Цюрихская газета сообщает, что швейцарское консульство в Бухаресте завалено просьбами румын о визах. Почему румынам разонравился климат Ялты? Почему и Симиенеску и мадам Бардонеску охладели к красотах Одессы? Почему им захотелось на Монблан?

Объяснение простое: Красная Армия подошла к Херсону. И вот «великая Румыния» поспешно сматывается. Остаётся пожалеть гостеприимных швейцарцев. Скрипачей ещё можно разместить по кабачкам, но что делать с «академиком Симиенеску»? Что делать с «маршалом» Антонеску? Ведь это публика опасная: не догляди, и, чего доброго, они присоединят Монблан к Дакорумынии.

Ноябрь 1943 г.

Живой труп

Второе ноября французы называют «днём поминовения мёртвых». В этот день они посещают кладбища и украшают цветами милые им могилы. В этом году маршал Филипп Петэн, соблюдая обычаи старины, также отправился на кладбище. В его руке был роскошный букет. Французский маршал возложил цветы на могилу немецких солдат.

Мы знаем поступки страшнее, но нет поступка гнуснее. Каждый день немцы расстреливают французских патриотов. Франция растоптана, задушена, загажена немцами. И вот француз спешит украсить цветами могилу палачей своей родины.

Есть предатели по рождению. Они как-то меньше возмущают совесть. Никто не ждёт, что свинья на-

чнёт нюхать розы или что гадюка вздумает целовать зяблика. Кого удивит Лаваль? Он с детства воровал, обманывал и предавал. Его отец был мясником и торговал протухшим мясом. Лавалья-отца называли в маленьком городке Оверни «Лаваль-тухлятина». Лаваль-сын пошёл дальше: он решил освежевать Францию. Лавалья можно повесить, но о нём нельзя говорить. Другое дело Петэн. Он был солдатом. Он узнал славу. Ему верил народ. Он предатель не по профессии, а по вдохновению.

Второго ноября французы украсили цветами могилы героев: могилы заложников, расстрелянных немцами, могилы солдат, в 1940 году сражавшихся за родину, могилы франтиреров. А старый маршал под охраной гестаповцев, украдкой нёс цветы на могилу тюремщиков. Газеты сообщают, что он при этом плакал. Крокодиловы слёзы? Хронический насморк? Или, может быть, всплакнул над собой? Он ведь не Лаваль, он знает, что именно он творит. Верующие воры, обкрадывая ризницу, часто пачкали в церкви: они хотели подчеркнуть своё преступление. Петэн, предав Францию, совершил ещё одну непристойность. Может быть, и он жаждал послать вызов своей совести, показать миру всю глубину своего падения.

Правосудие свершится. Никто не принесёт цветов на могилу изменника. Его шпага сломана. Его прошлое забыто. Новая Франция будет не только поминать героев. Она научится предавать забвению предателей. День суда над бывшим маршалом Петэном будет днём великого забвения мёртвых.

Ноябрь 1943 г.

Культуртрегеры

Два года тому назад берлинские дикторы говорили исключительно о победах. Теперь репертуар пришлось изменить. Ввиду полного отсутствия побед берлинские дикторы говорят о культуре. Немецкие солдаты жгут музей в Полтаве, а берлинский диктор тем временем кричит по-испански: «Мы защищаем культуру». Немецкие солдаты уничтожают древности Новгорода, а берлинский диктор тем временем причитает по-шведски: «Мы спасаем культурные ценности». Недавно берлинский диктор заявил по английски: «Наши солдаты— это подлинные культуртрегеры— носители культуры. Они показали русскому народу, что такое армия высококультурной нации».

Я не стану напоминать о злодеяниях этих «культуртрегеров». Я не стану приводить показания русских, которые воочию увидели, что такое культура немецкой армии. Я останавлиюсь на немецком документе. Это обращение верховного командования германской армии, изданное 1 мая 1943 года с пометкой: «Armeeoberkommando 4 1 С/А. В. О.». Конечно, оно не предназначено ни для испанцев, ни для шведов; на нём значится: «Только для служебного пользования». В этом послании мы находим следующую сентенцию:

«Не думай, что это безразлично, если ты при всех пускаешь газы и совершаешь естественные надобности. Русские могут подумать, что мы— народ, лишённый воспитания и культуры».

Трудно возразить. Действительно, русские, увидав, как немцы оправляются при женщинах и обращают школы в нужники, составили своё мнение о воспитании и культуре немецких солдат. Скажем прямо: невысокое мнение.

В том же документе мы читаем:

«Большевики привили русским понятие, что пьянство, нечистоплотность, бестактность, лень, ругань, распущенность, ложь—явления некультурные».

Вы только подумайте, какие шутники эти большевики—они всё перевернули вверх дном! Если им поверить, можно подумать, что немец некультурен. Он ведь гадит в избах, он нахален и блудлив. Но зато он объявлен берлинским радио «носителем культуры».

Ах, эти культуртрегеры, которых нужно упрашивать не испражняться в публичных местах! «Спасители ценностей»? Злые и грязные твари!

Ноябрь 1943 г.

Музееведы

В январе 1942 года я видел, как догорал музей в Бородине. Окрестные крестьяне тогда рассказывали, что немцы устроили в Бородине скотобойню. Но только теперь я узнал о трудах немецких музееведов. Вот как их описывает Рихард Маль, обер-ефрейтор 437 пп. 267 пд:

«Мы резали скот на дворе, так как в музее нельзя было установить блоки для подвески туш. В самом музее мы делили внутренности убитого скота. Одна из зал была отведена под производство колбас—ливерных и кровяных. Под рождество в музее был устроен ужин. Собрался весь личный состав скотобойной роты—человек семьдесят. Трапезу открыл командир скотобойной роты обер-ветеринар Доберкау. Он произнёс торжественную речь и сказал: «Мы празднуем сочельник в историческом музее Бородинской битвы. Здесь был разбит Наполеон». После этого нам выдали по три стакана рома и ливерную колбасу собственного производства. Мы пили, пели и развлекались».

Не следует думать, что немецкие музееведы занимаются исключительно колбасным производством.

Обер-ефрейтор 19-го егерского полка 9-й авиаполевой дивизии Ганс Браун рассказывает, что в Петергофском дворце Александрия немцы организовали дезинфекционную камеру—там они бьют не волов, а вшей.

«Мы народ музееведов»,—заявил как-то Геббельс. О чём он при этом думал? О ливерной колбасе? Или о вошебойке?

Ноябрь 1943 г.

Приветствия

До Гитлера немцы, встречаясь, говорили «доброе утро», «добрый день», или «добрый вечер». После воцарения фюрера утро, день и вечер явно перестали быть добрыми, и немцы ввели новый вид приветствия: «Хейль Гитлер». Три года тому назад, находясь в Берлине, я ежеминутно слышал это рывкание. Метрдотель встречал посетителей ресторана приветствием: «Хейль Гитлер! Хорошего аппетита». Аппетит у немцев действительно неплохой. Можно было услышать: «Хейль Гитлер! Карл привёз из Голландии сыр». «Хейль Гитлер! Говорят, что вам привезли чулочки из Парижа». «Хейль Гитлер! Курт пишет, что скоро они будут в Лондоне».

С тех пор многое изменилось. Немцы помрачнели. Они даже забыли, как им надлежит здороваться. Газета «Лихтенфельзер Тагблат» в № 167 негодует: «Осторожные люди, которые не думают о спасении рейха, вместо «Хейль Гитлер» говорят «доброе утро» или «добрый день». Газета наставляет: «Конечно, в годы побед не так уж трудно было восклицать «Хейль Гитлер». Это было время, когда фюрер полными руками сыпал нам благоденствие. Но сегодня фюрер ничего не может нам дать, сегодня он вынужден тре-

бовать от каждого из нас жертв. Именно сегодня каждый национал-социалист должен кричать, наперекор всему, «Хейль Гитлер».

Провинциальный журналист довольно откровенно показал психику своих соотечественников. Когда фюрер швырял немцам датское сало, французскую колбасу и литовскую полендвицу, немцы вопили «Хейль Гитлер». Теперь они стараются не поминать Гитлера: и без того тошно. Представьте себе такие изящные обороты: «Хейль Гитлер! Наш дядюшка замёрз у Сталинграда»... «Хейль Гитлер! Моя сестра сгорела при налёте на Гамбург»... «Хейль Гитлер! Сегодня наши войска снова отступили на тридцать километров»... «Хейль Гитлер! Курт просит послать ему на фронт картофельные оладьи, но у меня нет даже кожуры».

Среди немцев начинает приобретать право гражданства новая форма приветствия, предназначенная для экспорта: «Гитлер капут». Произнося эти два слова, немцы поднимают уж не одну, а две руки. Вполне возможно, что и журналист из «Лихтенфельзер Тагблата», когда его в порядке свертотальной мобилизации отправят на восток, тоже крикнет «Гитлер капут». Что касается «осторожных» немцев, которые шепчут «добрый день», мы можем сказать: ошибка — недобрый день занимается над страной разбоя.

Ноябрь 1943 г.

Застенчивый лакей

В лакейской Гитлера стало тихо. Не заиграет румын на скрипке. Мадыры забыли про чардаш. Тихо, грустно. Финны сморкаются, как на похоронах. Румыны упаковывают своё незавидное барахло, а стыдливые венгры делают вид, что их нет.

Несколько дней тому назад председатель венгерского совета министров Каллаи произнес удивительную речь. Он говорил о войне чрезвычайно абстрактно. Он, например, сказал: «Мировые державы—Германия, Россия, Англия воюют с большим ожесточением, и театр военных действий со всех сторон приближается к нам».

Слушая Каллаи, можно подумать, что Венгрия не имеет никакого отношения к войне и что сам Каллаи находится не в лакейской Гитлера, а на луне или по меньшей мере в Швейцарии. Однако недавно мне привелось разговаривать с одним из соотечественников Каллаи—сержантом Лезанец-Ланг. Разговор происходил не на Дунае, а на Днепре, куда Лезанец-Ланг приехал не в качестве туриста, но как сержант первой лёгкой дивизии восьмого венгерского корпуса.

Напрасно Каллаи говорит о войне, как о чём-то постороннем. Стыдливые речи не могут прикрыть бесстыдных дел. Война действительно приближается к границам Венгрии, и не сегодня—завтра гонведам, которые грабили в России, придётся дать ответ. Конечно, Каллаи будет кричать: «Я не я и хата не моя». Но мы найдём и Каллаи и его хату.

Ноябрь 1943 г.

Вампука в Ферраре

В пародии на оперу «Вампука» люди поют «Мы бежим, мы бежим и при этом преспокойно стоят на месте. Недавний конгресс итальянских фашистов в Вероне напоминал «Вампуку». Как известно, с итальянцами у Гитлера произошёл небольшой конфуз: сначала итальянцы плохо воевали, потом они вообще перестали воевать, потом они объявили, что согласны воевать,—только не за немцев, а против немцев. Гитлер попробовал выдать это за очередную победу,

он сказал: «Я потерял Неаполь, зато я получил дуче».

Иждивенцы иждивенца Муссолини съехались в Верону и там под охраной немцев начали исполнять фашистский гимн «Джиовинецу». Петь итальянцы умеют, и работы конгресса шли вполне прилично. Вдруг на трибуну вбежал один из конгрессистов. Вместо того чтобы спеть очередную серенаду, он истошно завопил: «убивают!..» Все насторожились. Перепуганный фашист сообщил собравшимся, что в Ферраре неизвестными убит вице-комиссар фашистской партии. Собственно говоря, в этом не было ничего удивительного: итальянский народ по мере возможности убивает итальянских фашистов. Это в порядке вещей. Но конгрессисты изумились: как же немцы не смогли оградить вице-комиссара от пули? Чернорубашечники вспомнили, что они не на Дону, а в Вероне. Поэтому они хором зарычали: «Вперёд! Идём в Феррару—наказать преступников! Идём скорее в Феррару!» При этом, разумеется, никто не двинулся с места: все понимали, что в Ферраре ещё хуже, чем в Вероне. Однако председатель Паволини притворился, что он верит угрозам, и стал упрашивать приятелей: «Прошу успокоиться. Мы не должны сейчас идти в Феррару. Мы должны продолжать наши государственные труды». Конгрессисты в ответ кричали: «Нет, мы идём в Феррару! Мы идём, идём»,—кричали они, сидя в глубоких креслах.

Ноябрь 1943 г.

Привычка — вторая натура

Ирма Гросс пишет своему мужу из Майнца: «У нас много разговоров вызвал случай с Вольфгангом. Он приехал в отпуск и жил у своей тётки, и, можешь себе представить,—он стащил у неё золотые часы.

Госпожа Шрейдер заподозрила свою прислугу-польку, а Вольфганга задержал ювелир, и дело должно было дойти до начальства. Но Вольфганг отделался только скандалом, он кричал, что это у него на нервной почве после восточной кампании, что, пробыв два года на фронте, можно о многом забыть и т. д. Майор отнёсся к нему снисходительно, и Вольфганг уехал в свою часть без взыскания. Но госпожа Шрейдер не хочет примириться с происшедшим, повсюду рассказывает, что у неё нет больше племянника и что это настоящее воровство. Некоторые с ней соглашались, другие берут сторону Вольфганга, во всяком случае—это тема для разговоров».

Легко понять резоны и вора-племянника и возмущённой тётушки. Вольфганга тщательно обучали воровать. Он оказался способным. В России он, бесспорно, не терял времени, крал всё—от кур до подстаканников. Я думаю, и майор в России не ленился. Наверное, он стащил для своей половины если не чернобурку, то хотя бы хорошую кацавейку. Недавно я прочитал в «Берлинер Локальанцейгер» о том, что немцы вывезли из Новгорода ценные иконы. Каждый немец крадёт по своим возможностям. Геринг присвоил чешские и бельгийские заводы. Розенберг слизнул ценные рукописи и книги из всех европейских библиотек. Гитлер—тот засунул в свои карманы десяток государств. А Вольфганг довольствовался гусями и серебряными ложками. Оказавшись в Майнце у тётки-разини, он, естественно, подобрал золотые часы. Госпожа Шрейдер, не вникая в сущность восточного похода и не изучив трудов фюрера, объявила своего племянника вором.

Я присутствовал однажды при том, как на базаре торговка ругала некую гражданку, запрятавшую в кошёлку круг колбасы. Торговка вопила: «Воровка!» Гражданка снисходительно ей объясняла: «Я не воровка. Я клептоманка». Вполне вероятно, что когда на-

станет день суда, когда придётся Германии отдать и десять государств, и старые иконы, и даже кацавейку, она заявит: «Я не воровка. Я клептоманка. Меня нужно лечить—проповедями, займами и хорошей американской овсянкой».

Ноябрь 1943 г.

Несостоявшийся парад

В июле 1940 года один швейцарский журналист должен был отправиться в Берлин. Он написал письмо директору крупной берлинской гостиницы «Бристоль» на улице Унтер ден Линден с просьбой задержать для него комнату. Директор гостиницы господин Польбух ответил швейцарцу, что комната забронирована, но сделал небольшую оговорку: в конце августа предполагается торжественный парад «германской победоносной армии, закончившей войну». Фрицы-победители должны были дефилировать по Унтер ден Линден, и господин Польбух предупреждал швейцарца, что в день парада комната приезжего будет открыта для желающих.

Так в июле 1940 года, отпраздновав взятие Парижа, господин Польбух был убеждён, что вскоре отпразднует взятие Лондона. Следует предположить, что в октябре 1941 года директор гостиницы сидел у радио и ждал: сейчас начнут передавать описание парада германской армии в Москве.

События развернулись несколько иначе. Газета «Рейнише-Вестфалише Цейтунг» пишет: «Чем дольше продолжается война, тем меньше в ней поэзии и тем больше прозы». Трофейные посылки и мечты о параде были поэзией. Сообщения о смерти немецких солдат и многотонные фугаски должны быть причислены к грубой прозе.

Несколько добротных бомб попали и на улицу Унтер ден Линден. Я не знаю, спасся ли директор го-

стиницы «Бристоль». Если он жив, то, наверное, сидит в подвале и предупреждает желающих: «Мест нет. Это вам не окно, чтобы глядеть на парад, это частное бомбоубежище».

Ноябрь 1943 г.

Ягодки вперед

В течение десяти лет немецкие мамы учили детей говорить: «Мы благодарны фюреру». Это было узаконенной формулой вежливости. Получив леденец, малолетний ариец должен был сказать: «Мы благодарны фюреру».

Мамаши и папаши также произносили эти хорошо заученные слова. Фрау Мюллер, получив шкаф и две перины, отнятые у евреев, лепетала: «Мы благодарны фюреру». Выдавали голландский сыр, захваченный в Фрисландии, и немки восклицали: «Мы благодарны фюреру». Герр Квачке, получив от сына два кило украинского сала, облизываясь, шептал: «Мы благодарны фюреру».

В течение последнего года немцы редко произносили магическую формулу. Никто не благодарил фюрера, и фюрер мог подумать, что подданные о нём забыли. Но вот шведские корреспонденты сообщают, что на стенах Берлина появились забытые, казалось, слова. Обугленные фасады домов покрыты надписями: «Мы благодарны фюреру». Надо сказать, что на этот раз благодарность адресована правильно: четыреста тысяч берлинцев, оставшихся без крова, должны благодарить не кого иного, как фюрера.

Три года тому назад в пивнушках «Берлинер киндель» жадные и злобные немцы делили мир. Те-

перь они лязгают зубами среди щебня и мусора: нет больше ни мечтаний, ни пивнушек.

Корреспонденты рассказывают о ратных подвигах господина Иоахима фон Риббентропа. Как известно, Риббентроп прежде торговал поддельным шампанским. У него манеры коммивояжёра. Естественно, что среди палачей он слывет изысканным джентльменом. Он особенно грациозно умеет произносить: «Мы благодарны фюреру». Ему есть за что благодарить: он хорошо пограбил. Он ничем не брезговал. Переправляя в нейтральные страны сбережения, он одновременно украшал свой дом севрским фарфором и царскосельскими безделушками. В сейфах Риббентропа немало документов, свидетельствующих об его плодотворной деятельности,—война не шипучка, на войне можно действительно разбогатеть.

23 ноября 1943 года Иохим фон Риббентроп впервые понял, что такое суeta суeta: его дом сторел, подожжённый невежливой бомбой. Погибли «трофеи»—и фарфор, и старинные табакерки, и многое другое. Господин Риббентроп находился на боевом посту: он спасал свои бумаги. Корреспондент отмечает, что бесстрашный коммивояжёр работал в шлеме: очевидно, он хотел спасти не только свои аккредитивы, но и свою голову. Я прошу оценить живописность картины: министр сверхвеликого рейха, ещё недавно помышлявший о нефти Моссула и о руде Урала, в дорожном пиджачке и в солдатском шлеме спасает особенно пикантные документы.

В фашистском зверинце мне жаль только зверей. Я говорю о настоящих—четвероногих. Пожар проник в «Цоо»—берлинский зоопарк, и звери разбежались. Я понимаю, как противно честному льву, не говоря уже о великодушной слонихе, оказаться среди обитателей современного Берлина. Что касается берлинцев,—им пришлось бороться не только с огнём, но и с дикими зверями. Посетители «Берлинер киндель» уви-

дели на Иоахимсталлерштрассе бенгальского тигра. По Курфюрстендамм носилась обезумевшая пантера. В центре Берлина была спешно организована охота на диких зверей.

Это только цветочки, ягодки впереди: Берлин увидит другую охоту—на двуногих хищников.

Декабрь 1943 г.

Туристы

Желая отвлечь немцев от грустных размышлений, берлинская радиостанция занялась описанием путешествий. Бойкие немцы рассказывают, как они осматривают различные страны, захваченные Германией. Вот отчёт туриста, побывавшего во Франции:

«Хотя жизнь в Париже стала скромнее, чем два года тому назад, всюду видишь цветы и улыбку. Конечно, французы ворчат, но это у них нечто врождённое, француз всегда ворчит, на самом деле он сыт, весел и благословляет своих спасителей-немцев».

В газете «Л'Авенир», которая выходит под немецким контролем, я нашёл некоторые дополнения к рассказу жизнерадостного немца:

«В связи с сокращением продовольственных норм детская смертность приняла угрожающие размеры. Среди детей школьного возраста—62 процента больных».

Франция за год произвела 64 миллиона центнеров хлеба. Этого могло хватить на французов в обрез. Немцы увезли в Германию 22 миллиона центнеров. Другими словами, они отняли последний кусок хлеба у 17 миллионов французов. Эти французы обречены на голодную смерть. Но немецкий турист хорошо покушал в Париже, выпил шампанского, и он заявляет, что умирающие французы благословляют фюрера.

Другой немецкий турист съездил в Грецию. Он рассказывает:

«Афины—красивейший город. Несмотря на ноябрь, я ходил без пальто. Это чудный край. Повсюду видишь довольство. Я пил прекрасное сладкое вино...»

Недавно из Греции вырвался бывший министр земледелия. Он несколько иначе описывает положение:

«В стране голод. Нет жиров. Кило оливкового масла, которое стоит в сентябре 30 тысяч драхм, теперь стоит 80 тысяч драхм. Нет хлеба. Немецкие карательные отряды уничтожили урожай в двухстах сёлах. Буханка чёрного хлеба—это роскошь, доступная только миллионерам, в переводе на английские деньги она стоит шесть фунтов стерлингов».

За шесть фунтов стерлингов в Греции можно было купить дом. Неудивительно, что на улицах Афин подбирают каждый день десятки трупов: люди умирают от голода. Зато герр Ширке из Свинемюнде наслаждался видом Афин и упился хорошим мускатом.

Декабрь 1943 г.

Благодетели

Немец не просто грабит, он грабит и приговаривает: «Я вас облагодетельствовал».

Газета «Минскер Цейтунг» 10 ноября 1943 года писала: «Мы способствуем расцвету белорусской культуры. Здесь не было книг для детей, а мы занялись детской литературой. Мы издали книжку под заглавием: «Как из овечьей шерсти изготавливается готовое платье».

Указанный труд появился вполне своевременно: ведь белоруссы недоумевают, зачем немцы стригут их овец? Герр профессор всё разъяснил: если остричь белорусскую овцу, у него будет хороший тёплый набрюшник.

Герр профессор знает, что дети чрезвычайно любопытны. Он им рассказывает, что из белорусской шерсти можно сделать очень многое: штаны для фрица,

юбочку для супруги профессора и даже парадный мундир для господина Иохима фон Риббентропа. Полуголые белорусские дети должны радоваться и восклицать: «Мы благодарны фюреру».

Возможно, что немцы выпустят другие книжки: «Как из украинской пшеницы изготавливают немецкий хлеб» или «Как из датского масла изготавливают семипудового Геринга».

Одно меня смущает: как объяснит герр профессор белорусским детям «работу» отступающих фрицев? В Гомельской области немцы, убегая, перебили овец. Они не успели заняться ни шерстью, ни мясом. Они успели только расстрелять отары. Из шерсти расстрелянных овец немцы не изготовят платья. Но, может быть, и это руно не пропадёт даром: из него Немзида соткёт саван гитлеровской Германии.

Декабрь 1943 г.

Автогадалка

Немцы очень любят автоматы—не только автоматическое оружие, но и те невинные аппараты, которые отпускают прохожему, опустившему в отверстие монету, сигару или бутерброд. Имеются в Германии и автоматы-гадалки. За десять пфеннигов каждый немец может получить листок с предсказанием судьбы.

Фриц Бах, узнав, что его отправляют на Восточный фронт, не остановился перед затратами: он опустил десять пфеннигов в чрево автогадалки. Он сохранил листок, на котором начертано описание его будущего:

«Счастье вам будет неизменно сопутствовать. Вам предстоит совершить большое путешествие в чужие страны. Там вы встретите недружелюбных людей, но вы преодолеете все трудности. Вы благополучно возвратитесь домой. Вы сохраните бодрость до преклонного возраста и будете качать на коленях шаловливых внуков».

Прочитав это, Фриц Бах обрадовался: очевидно, автомат всё знает. Ведь Фрицу действительно предстоит большое путешествие, и на Восточном фронте он бесспорно столкнётся с недружелюбными людьми. Значит, он вернётся во Франкфурт-на-Майне и лет через тридцать займётся шаловливыми внуками.

Фриц Бах стал отмечать в записной книжке основные события своей жизни. 21 января 1943 года он очутился в Воронеже, причём сразу начались те «трудности», о которых его предупреждал механизированный оракул: немцы отступали. Фриц Бах при этом обморозил ноги и попал в тыловой госпиталь. Путешественнику, однако, ещё предстояло большое путешествие. 31 августа его привезли в Конотоп. Записи его грешат однообразием, но всё же они патетичны:

«2 сентября. Отступление в Мучино.

7 сентября. Отступление.

12 сентября. Похоронили обер-лейтенанта Фукса. Ночью едва выбрались.

13 сентября. Отступаем.

16 сентября. Отступаем.

22 сентября. Прибыли в Киев.

4 октября. Бои. Огромные потери: две трети».

Большое путешествие Фрица Баха закончилось небольшой могилой в окрестностях Киева. Читатель спросит: где же благополучное возвращение во Франкфурт-на-Майне? Где бодрая старость? Где шаловливые внуки? Скажем прямо: покойный Фриц зря потратил десять пфеннигов. Усовершенствованные гадалки врут ещё хуже кустарных.

Декабрь 1943 г.

Факельщики и плакальщики

Кроме факельщиков, у немцев имеются плакальщики. Пока факельщики жгут города и сёла Белоруссии, плакальщики пытаются растрогать мир рассказами о страданиях Германии.

В Белоруссии я видел коров, застреленных немецкими автоматчиками. Я вспомнил, как немецкие плакальщики некогда оплакивали коров. Это было после Версальского мира, и немцам пришлось выдать французам в счёт репараций некоторое количество коров. Немецкие плакальщики рыдали над судьбой немецких детей, оставшихся без молока.

Почему немецкие факельщики убивают коров в сёлах Белоруссии? Может быть, они хотят этим остановить наши танки? Нет, даже самый глупый немец знает, что корова—не цистерна с горючим. Убивая коров, немцы хотят лишить молока советских детей.

Немцы всегда отличались предусмотрительностью. Пока факельщики жгут, плакальщики хотят слезами погасить тот огонь, на котором сгорит гитлеровская Германия. Плакальщики нашли в Швеции несколько чувствительных людей, кровно связанных с немецкой индустрией. Эти сердобольные люди уже хлопочут: не следует наказывать немецких поджигателей! Я не верю сердобольным людям, у которых сердце болит только тогда, когда возникает вопрос о дивидендах. Эти «гуманисты» равнодушно смотрят на работу немецких факельщиков. Но стоит показаться немецким плакальщикам, как они вынимают носовые платки.

Что такое немецкие плакальщики? Прикрытие. За их спиной работают немецкие факельщики. Слезы гитлеровцев никого не тронут. Вероятно, микроби в своём кругу считают Пастера душегубом. Но мы знаем: тот, кто убивает носителей бешенства или чумы,—истинный гуманист.

Декабрь 1943 г.

Их защита

Газеты всего мира много писали о харьковском процессе. Я видел в судебном зале изумлённые лица американских корреспондентов: для людей, отделённых от Германии океаном, ефрейтор Рецлав был диковиной. Я должен признаться, что меня не поразили зловещие герои харьковского процесса: слишком часто я сталкивался с их собратиями. Я помню германского лётчика, который бомбил мирный испанский городок. Когда его взяли в плен, он спокойно объяснил: «Я хотел проверить действие бомб, сбрасываемых с различной высоты». Это было семь лет тому назад. С тех пор я встречал тысячи таких убийц. Их душевный мир несложен: они жалеют себя и не жалеют других. Гитлер когда-то сказал, что хочет освободить немцев от совести. Эта операция в отличие от многих других ему удалась.

Всё же одна деталь харьковского процесса удивила и меня: логика молодого эсэсовца Ганса Рица. Как известно, Риц изучал юриспруденцию. Однако в своём последнем слове он выдвинул достаточно оригинальные аргументы. Он сказал, что если бы хотел, он мог бы убить куда больше невинных... Да, конечно, он убивал женщин. Однажды он убил шестьдесят человек, в другой раз ещё шестьдесят, но всё же он достоин снисхождения—он ведь убил сто двадцать, а мог бы убить тысячу двести.

Очень давно, когда человечество не знало ни «газовых автомобилей», ни Адольфа Гитлера, в Париже судили бандита, который убил женщину и четырёх её детей. В те легендарные времена убийство пяти человек могло встревожить миллионы людей. Все газеты были переполнены отчётами о судебном разбирательстве. Бандит сознался, что он убил женщину. Он не отрицал и убийства четырёх детей. В своё

оправдание он сказал: «Пятый спал. Я мог бы прикончить и его, но я этого не сделал». Когда осуждённого повели на казнь, он продолжал кричать «Я ведь не тронул пятого!..»

Я предвижу, что аргументации Ганса Рица предстоит большое будущее. Нам ещё не раз придётся услышать подобные речи. Командир дивизии «Мёртвая голова» скажет: «Хорошо, я расстрелял двенадцать тысяч. Но разве я не мог расстрелять сто двадцать тысяч?» Гестаповцы, замучившие в Бабьем Яру больше ста тысяч невинных, вынут карандаши и начнут подсчитывать, сколько киевлян осталось в живых. Факельщики, уничтожившие Лидице, заявят: «Зато мы не сожгли Брно». Штюльпнагель возмущённо воскликнет: «Мне ничего не стоило объявить всех французов заложниками». Даже Гиммлер прикинется неудачником: «Я ведь столько прозевал». Даже Гитлер скромно пролепечет: «Я не посылал душегубок в Патагонию, и я не вешал эскимосов. Значит, меня следует причислить к гуманистам и выдать мне Нобелевскую премию».

Январь 1944 г.

Принудительное доверие

Генерал Кабиш в газете «Берлинер Локальбанцейгер» закликает немцев: доверяйте фюреру! Генерал пишет: «Доверие—не дитя разума, а дитя чувства. Разум стремится анализировать, делать выводы и принимать решения, он отвергает доверие, если оно не основано на данных, не поддающихся критическому анализу... Доверие не зависит от понимания. Тот, кто не понимает, должен принудить себя к доверию».

Итак, в Германии введено принудительное доверие. Если у некоторых немцев ещё сохранились крохи разума, эти крохи должны быть сданы наравне с тёплыми жилетами и медными кастрюлями. Попыт-

ки проанализировать положение рассматриваются, как вредные диверсии. Нужно доверять Гитлеру вопреки разуму. Если немецкие армии отступили от Владикавказа до Херсона и от Ржева до Витебска, то немецкое доверие, это «дитя чувств», восклицает: «Мы побеждаем!» Если четырёхтонные фугаски крошат немецкие города, то все кретины Германии обязаны восторженно приветствовать умнейшего фюрера.

Однако имеются в Германии лица, уклоняющиеся от всякого рода повинностей. Они не сажают картошки и не сдают дверных ручек. Они также освобождены от принудительного доверия. Это—магнаты немецкой промышленности. Недавно рейхсминистру Борману стало известно, что воротилы крупных акционерных обществ не только анализируют, но делают выводы и принимают решения. Эти недоверчивые господа составили секретные списки новых правлений старых акционерных обществ—в предвидении краха Гитлера. В новые правления не входят члены гитлеровской партии. Предварительной маскировкой занялись крупнейшие тресты, как-то: «ИГ Фарбениндустри» и «Ферейнихте Гланштофверке». Это первые ласточки или первые крысы.

Впрочем, мне хочется утешить генерала Кабиша: есть ещё в Германии «дети чувств». Об одном из этих надёжнейших идиотов пишет немка Ирма Глазер своему супругу, обер-ефрейтору: «Минна мне рассказала, что на Лейпцигерштрассе, когда ещё всё горело, какой-то прилично одетый человек кричал: «Это замечательно! Это лучше, чем все победы! Мы должны благодарить фюрера. Если он допустил такое, значит это нужно», и так далее всё в том же духе. Минна говорила, что кругом все возмущались, так как у людей измотаны нервы. Потом этого крикуна арестовали». Злосчастное «дитя чувств» попало в каталажку. Может быть, генерал Кабиш возьмёт его на поруки?

Январь 1944 г.

Друг детей

Корреспондент «Националь Цейтунг» пишет: «Виши с каждым месяцем пустеет. В различных гостиницах, где помещаются министерства, всё поблёкло. В прошлом году швейцары, зеркала, ковры ещё пытались придать пышность второй французской столице. Теперь зеркала и ковры куда-то исчезли, а швейцары огрубели и бесцеременно торгуют сигаретами или мылом».

Однако «министры» Виши проявляют кипучую деятельность. Так, «министр» здравоохранения доктор Грассе недавно издал декрет об учреждении медали «Французская семья». Согласно декрету, медаль будет выдаваться матерям, у которых имеется «свыше пяти живых и здоровых детей». За пятерых полагается бронзовая медаль, за восьмерых—серебряная, за десяток—золотая. Декрет, составленный немецким лакеем, услужливо добавляет, что «дети, погибшие от союзных бомбардировок, будут рассматриваться, как живые и здоровые». Разумеется, дети, погибшие от немецких бомб, снарядов или пуль, будут причислены к неизлечимо мёртвым.

На первый взгляд затея доктора Грассе может показаться непонятной расточительностью. Откуда «министры», которые распродали на толкучке ковры и зеркала своих «министерств», возьмут золото или хотя бы бронзу? Но доктор Грассе не озабочен будущим: он знает, что ему не понадобятся ни золото, ни бронза. Ежедневно тысячи французских детей умирают от голода. Медицинские журналы сообщают, что свыше семидесяти процентов французских детей больны рахитом или туберкулёзом. Доктор Грассе как ближайший сотрудник оккупантов энергично содействует умерщвлению французских детей. Он наверно весело смеялся, составляя декрет о новой медали. Но вряд

ли он улыбнулся, ознакомившись с номером подпольной газеты «Комба», в котором упоминается имя «министра» здравоохранения. Французские патриоты сообщают, что они представили доктора Грассе к награде: за умерщвление голодом сотен тысяч французских детей доктор Грассе вместо медали на грудь получит верёвку на шею.

Январь 1944 г.

Расплата

Немка Гертруда Мюллер пишет мужу из Берлина: «Я больше ничему не удивляюсь—ни тому, что ты пишешь о России, ни статьям Геббельса. Пожалуй, я удивляюсь только одному: как я до сих пор жива? Вчера я глядела на план Берлина, и я не знала, плакать мне или смеяться. Ты спрашиваешь, много ли домов разрушено. Дорогой Рихард, это можно было говорить весной, сколько домов разрушено. Теперь приходится считать уцелевшие дома. Поверь мне, я не преувеличиваю—исчезли целые улицы, они только остались на плане. Представляю себе, какие у нас будут праздники. Когда-то звонили колокола, а теперь у всех в ушах вой сирен, грохот бомб и вой засыпанных. Когда-то обливались шампанским. Я не скажу, что мы обливаемся слезами—у меня перегорели слёзы. Я похожа на куклу. Я удивляюсь, как я могу писать. Доктор Фогт говорит, что масса случаев помешательства. Может быть, сумасшедшие—это самые нормальные люди, а мы прикидываемся здоровыми, но на самом деле потеряли рассудок? Тётя Кристина уехала в Тюрингию. Она пишет оттуда, что это другое кольцо ада. Там нет ни одного угла, ни одной койки. Люди ночуют на вокзалах, в кафе, даже в киосках.

Мы мечтали о всей Европе, а теперь самое большое счастье —получить угол».

Трудно что-либо добавить к этим словам. На пятый год войны некоторые немцы и немки начинают трезветь. Однако падение Германии лишено и тени величия. У самого беспристрастного соглядатая оно может вызвать только отвращение. Ведь, погибая, немцы продолжают своё мерзкое и страшное дело уничтожения. С письмом Гертруды Мюллер интересно сопоставить письма немецких солдат, захваченные партизанами в районе Порхова. Вот несколько цитат.

Обер-ефрейтор Фриц Копец пишет жене: «Вчера ночью было совсем светло. Если бы ты видела, как горели русские избы».

Ефрейтор Эрнст Грейнер сообщает супруге: «Необходимы крутые меры, и сегодня мы начали жечь деревни».

Обер-ефрейтор Иозеф Мюллер (уж не родственник ли он той самой Гертруды?) радуется своей невесте следующими словами: «Почти каждую ночь—фейерверк: мы жжём деревни. А кто виноват, кто нет—нам нет времени разбираться».

Гертруда Мюллер узнала, что значит расплата. Впрочем, может быть, Гертруду и тётю Кристину утешит следующее письмецо обер-ефрейтора Седельмейера: «Теперь мы разбираем здесь бараки и отправляем в Германию, чтобы расселить в них пострадавших от бомбёжек».

Да, сначала они пришли к нам за землёй. Они хотели колонизировать Россию. Теперь они разбирают русские хижины, чтобы немецким погорельцам было где укрыться. Такова новогодняя притча о фашистской Германии.

Январь 1944 г.

Фюрер играет Гамлета

Новый год Германия встретила так, как приговорённый к казни встречает рассвет. На Новый год немцы узнали о продвижении Красной Армии к Новоград-Волынскому, к Бердичеву, к Виннице. Берлин, или вернее то, что ещё осталось от Берлина, на Новый год справил своеобразный юбилей: сотую бомбардировку.

Гитлер произнёс очередную речь и опубликовал очередной приказ. Где былая резвость фюрера? Он забыл о Москве. Он забыл и о «жизненном пространстве». Мюнхенский громила прикидывается казанской сиротой. Он хочет погасить пожары Берлина крокодиловыми слезами. Он хочет подбодрить немцев проклятьями. Бесноватый прокликает всё и всех: Красную Армию и Савойскую династию, английских лётчиков и маловерных. В 1942 году фюрер заявил: «Это будет год окончательной победы». Теперь фюрер пытается утешить немцев рассуждениями о бренности всего сущего: «Нет вечных войн, когда-нибудь кончится и эта война».

Несколько лет тому назад Гитлер прикидывался Александром Македонским и цитировал Наполеона. Теперь он прикидывается философом и цитирует Шекспира. Свой приказ Гитлер заканчивает словами: «Быть или не быть?» Фрицам предлагается разрешить дилемму, терзавшую принца Датского. В обращении по радио Гитлер поясняет: «В этой войне не будет победителей и побеждённых, будут погибшие и выжившие». Злосчастные колбасники, им мало фугасок и сводок об эластическом драпе, им ещё нужно разрешать философские проблемы и разгадывать загадки!

Впрочем, можно притти на помощь тупым немецким обывателям. Можно их прежде всего успокоить: не

только все войны на свете кончаются, но теперь уже виден конец этой войны. Народы выживут, а Гитлер и его помощники погибнут. Зачем берлинцам ломать голову над гамлетовским вопросом? Исход войны ясен: гитлеровской Германии не быть.

Январь 1944 г.

Почему они отступают?

В Армейской газете «Панцерфауст» помещена статья, выразительно озаглавленная: «Почему мы отступаем?» Автор пытается успокоить растерявшихся фрицев:

«Уж давно вы спрашиваете: почему мы отступаем?.. Мы, как защитники европейской крепости, должны использовать преимущества операции на внутренней линии... Поэтому мы сокращаем фронт. Очень больно сдавать территорию, за которую пролито много крови, но сентиментальные соображения должны отойти на задний план по сравнению с требованиями войны... Мы выиграли, получив безопасные, укороченные коммуникации и сокращение линии фронта».

Вряд ли, прочитав это, фрицы успокоятся. Чего доброго, они вспомнят, как некто Эрнст Нагель писал в той же «Панцерфауст»:

«Кто видел наши крохотные огороды, поймёт значение этих просторов, навсегда ставших немецкими! Сколько пшеницы, свёклы, льна, огурцов! Сколько плодородной земли, душистых яблок, золотого мёда! Эта земля нами завоёвана, и она навеки останется нашей. В этом значение нашего похода на Восток. Возьми в руку пышный колос, немецкий солдат, и скажи: я выполнил мой долг, моя жизнь оправдана перед веками, ибо далеко от Германии зреет хлеб для грядущих поколений».

Теперь газета уверяет фрицев, что дело вовсе не

в пышных колосьях, а в какой-то «европейской крепости». Фрицы, пожалуй, скажут: зачем было огород городить? Фрицы усомнятся: оправдана ли их жизнь и главным образом оправдана ли жизнь их фюрера?

Географические фантазии газеты должны немало озадачить читателей. Вдруг фриц посмотрит на карту и скажет: «Да ведь фронт не укоротился. Что за странные зигзаги—от Витебска до Ровно и от Ровно до Никополя!..»

Я представляю себе, как посмеются фрицы, находящиеся ныне в излучине Днепра, над заявлениями «Панцерфауст»: «Мы получили безопасные укороченные коммуникации». Если среди этих фрицев имеется один, наделенный чувством юмора, он, конечно, скажет: «Что и говорить, очаровательные коммуникации, почти как у фон Паулюса».

Впрочем, немецкие солдаты уже перестали спрашивать, почему германская армия отступает. Фельдфебель Вернер Гейнце 19 декабря 1943 г. писал своей жене:

«Капитан приказал во что бы то ни стало держаться, а сам уехал. Да и что мы можем поделать? Пополнения нет, а русские насаждают. Мы все спрашиваем себя—выберемся ли мы живыми?»

Вполне обоснованные опасения.

Январь 1944 г.

Строптивые гиены

Желая отвлечь немцев от грустных размышлений, берлинское радио занялось зоологией. 11 января диктор рассказал следующее:

«Наш микрофон сейчас установлен возле клетки с гиенами. Нас занимает вопрос: можно ли приручить гиен сделать из них домашних животных? По некоторым данным, древние египтяне приручали гиен. Вот и сейчас служитель зоопарка преспокойно гладит по спине старую гиену. Есть нечто общее меж-

ду гиенами и собаками, но многое их разделяет. Собаки рождаются слепыми, а гиены зрячими».

Почему немцев заинтересовали гиены? Может быть потому, что гиены и шакалы Германии стали несжиданно огрызаться? Гитлер, например, хочет, чтобы румыны защищали Одессу, а румыны удирают из Бухареста. Наступление Красной Армии явно потрясло румынских гиен. Железные дороги забиты беженцами, и немецкое командование отдало приказ: румынам запрещается ездить по железным дорогам, потому что железные дороги нужны для германской армии.

Тем временем гиены рычат. Газета «Порунка Времий» пишет: «Для нас нет ничего более оскорбительного, чем когда нас называют сателлитами. Наш союз с Германией добровольный, а не рабский. Сателлиты Германии? Смешно! Наоборот. С точки зрения нашего национального достоинства мы можем сказать, что Германия является сателлитом Румынии».

Вероятно, румынам кажется, что они смогут выйти сухими из воды. Ведь другая газета, «Тимпул», наивно уверяет: «Румыния ни на кого не нападала и не посягала на чужие земли». Что же, если настоящие гиены родятся зрячими, то румынские остаются слепыми до самой смерти!

Легко представить себе возмущение Гитлера: он, фюрер,—сателлит рыжего Антонеску! Опыт с приручением гиен явно не удался. В Бухарест спешно выехал главный укротитель—Гиммлер. Посмотрим, как он будет гладить по спине старую румынскую гиену.

Январь 1944 г.

Милость тестя

Казнь графа Чиано и других видных фашистов относится к методам немецкой дрессировки. Пять итальянских шакалов были расстреляны, чтобы шакалы и гиены других стран не попытались бунтовать. Рас-

стрелы в Вероне показывают семейные нравы фашистов. Мы хорошо знаем, как эти звери расправляются с честными людьми. Мы только увидели, как они расправляются друг с другом.

Граф Чиано вполне своевременно женился на дочке дуче, и Муссолини, будучи примерным семьянином, способствовал карьере своего зятя. Чиано стал министром и нажил миллионы, его грудь покрылась орденами. Когда дуче зашатался, граф Чиано призадумался. Он не хотел идти против дуче: он знал, что судьбы тестя и зятя тесно связаны. Но хитрый граф попытался отойти в сторону и умыть руки. По приказу Гитлера тесть судил зятя.

На суде Чиано пытался доказать свою преданность и дуче и фюреру. Когда прокурор спросил его: «Вы убежали из Италии?», он, потупив глаза, ответил: «Да. Но в Германию». Кто после этого мог усомниться в благих намерениях графа? Однако нужно было запугать гнен, и благонамеренный граф был приговорён к расстрелу.

Остаётся упомянуть об одной живописной детали: по особому распоряжению Муссолини граф Чиано получил пулю не в затылок, а в лоб—последняя милость любвеобильного тестя.

Январь 1944 г.

Троянский конь

Газета «Бремер Цейтунг» указывает, что немцам придётся ввезти в Германию ещё сотни тысяч иностранцев, так как немцы, освобождённые при тотальной мобилизации, должны будут пополнить сильно поредевшие немецкие дивизии.

«Бремер Цейтунг» меланхолично отмечает, что рабов будет труднее найти, чем год тому назад: на Востоке огромные территории потеряны, на Западе порабощённые народы увеличили сопротивление.

Рабы теперь не радуют рабовладельцев. Прошли времена, когда голштинский фермер с восторгом сообщал: «У меня в хлеву работает полька из консерватории». Газета «Данцигер Форпостен» пишет:

«В районах воздушных бомбардировок может возникнуть ситуация, когда избалованные пришельцы начнут проявлять дерзкие выходки».

Нужно знать психику гитлеровцев, чтобы понять эпитет «избалованные». Немцы бьют чужестранных рабов плёткой, кормят их очистками картошки, всячески их унижают и при этом приговаривают: «До чего я тебя балую!..»

Что касается опасений газеты, то они резонны. Двенадцать миллионов иностранных рабов ждут часа, когда они смогут отплатить немцам за всё их «баловство».

Доктор Ганс Рупп, проживающий в Бремене, в письме к сыну пополняет рассуждения «Данцигер Форпостен» живым примером:

«Во время последнего налёта возле вокзала разыгралась отвратительная сцена. Французы, работавшие в мастерских, должны были погасить вспыхнувший пожар. Но эти бестии верны себе, война их ничему не научила. Воспользовавшись суматохой, они бросились на лейтенанта Зиммеля и нанесли ему такие телесные повреждения, что он на следующий день умер. Какая ирония судьбы—он спасся от бомбы и погиб от руки проходимца! Вообще должен тебе сказать, что иностранцы у нас—это воистину троянский конь. Не знаю, чем всё кончится».

Я могу подсказать доктору Гансу Руппу, чем всё кончится. В долгожданный и теперь близкий день двенадцать миллионов иностранных рабов, не дожидаясь международных трибуналов, освободят мир от довольно значительного количества отвратительных рабовладельцев.

Январь 1944 г.

Перегруппировка у Ленинграда

14 сентября 1941 года лейтенант Герберт Грисбах писал: «Через три-четыре дня мы будем в Ленинграде. Несмотря на несколько дворцов и мировое реноме, это—захудалый город вроде Штеттина, а наши офицеры наивно готовятся к кутежам...»

2 сентября 1941 года жена фельдфебеля Эйгена Кроненберга писала: «Хотелось бы, чтобы у вас всё поскорее кончилось, но я боюсь, что Петербург так легко не сдастся. Говорят, что русские стали крепко драться. Трудно себе представить, чтобы такой невоспитанный народ требовал от нас столько жертв. Надо раз и навсегда выкинуть его из мировой истории».

16 сентября 1942 года «Кенигсбергер Альгемейне Цейтунг» сетовала: «Нашим солдатам под Ленинградом приходится иметь дело с ожесточёнными мужиками».

19 июня 1943 года газета «Данцигер Форпостен» утверждала: «Вопрос об обладании Ленинградом потерял значение. Этот город русские потеряли, хотя, конечно, эти азиаты способны выносить лишения, невыносимые для нас».

18 января 1944 года военный обозреватель берлинского радио говорил: «Бессмысленны и обречены на неудачу все попытки русских поколебать наши позиции у Ленинграда».

23 января 1944 года то же берлинское радио передавало: «На юго-восток от Ленинграда мы без помех перегруппировали наши силы».

Воистину, наплюй бесстыжему в глаза—он скажет: «божья роса».

Ещё лежат в снегах у Петергофа, у Пушкина, у Мги десятки тысяч убитых немцев, а Гитлер

уже утёрся и кричит: «Сокращение, перемещение перегруппировка».

Супруга фельдфебеля не зря волновалась: русские оказались настолько «невоспитанными», что не пустили наглых захватчиков в Ленинград. Немцы кричали: «Азиаты! Мужики!» Помилуйте, их, чистокровных арийцев, не пускают в «Асторию»! Немцы всячески демонстрировали свою культуру: гадили в дворцах Петергофа, ловили девушек и открывали в Пушкине дома терпимости, уродовали снарядами величественные здания Ленинграда. Но «невоспитанные» русские упорствовали. Они не хотели ни сдаваться, ни умирать. И вот мы присутствуем при эпилоге: немцев размещают не в номерах «Астории», а в холодной земле. Таков смысл происходящей «перегруппировки»: из блиндажей в могилы.

Может быть, фрау Кроненберг теперь задумается: кто же будет выкинут раз и навсегда из мировой истории?

Январь 1944 г.

Обособленные розги

«Перегруппировка» немцев неприятно отразилась на нервной системе финнов. Нужно только вспомнить, как лаяли финские моськи. Давно ли газета «Аян Суунта» писала: «Мы с нетерпением ожидаем завершения осады города Петра. Пока Ленинград будет находиться в руках русских, он останется для нас угрозой. Этот город должен быть завоёван раз и навсегда».

Давно ли финский публицист Гадолин заявлял: «Финляндия хотела бы, чтобы Ленинград был полностью разрушен, но вряд ли такое искусственное разрушение осуществимо... Скорей всего Ленинград будет «вольным портом» вроде Данцига или Шанхая под немецким контролем, преобладающим языком в

Ленинграде будет, конечно, немецкий». Теперь финны поняли, что их барин не сегодня—завтра вылетит в трубу, и финны пытаются прикинуться самостоятельными. Судьба гитлеровской Германии их явно смущает. В предвидении суда они спешно отмежевываются от своих хозяев. Финские газеты теперь пишут: «Мы ведём свою обособленную войну».

Желая доказать миру свою «гуманность», финны повезли в захваченный ими Петрозаводск несколько шведских журналистов. Нетрудно догадаться, как составлялись списки приглашённых. Но даже этим, тщательно проверенным журналистам разрешалось разговаривать с русскими только в присутствии финнов. Однако на всякую старуху бывает проруха. Корреспондент шведской газеты «Дагенс Нюхетер» рассказал, как обращаются финны с гражданским населением захваченных районов. Конечно, корреспондент не видел ни расстрелов, ни пыток. Ему показали только образцовый концлагерь. Кто же находится в этом лагере? Мирные жители: женщины, подростки, старики. Корреспондент рассказывает, что провинившихся финны «слегка наказывают», а именно сажают на восемь суток в тёмное морозное помещение или порют розгами: двадцать пять ударов.

Вот их «гуманизм»—пороть беззащитных жителей, подростков или стариков. Причём порка—официальное наказание. О розгах финны с гордостью рассказывали журналистам. Что же делают палачи без свидетелей?

Нет, напрасно эти господа бубнят о своей «обособленной войне». Мы их не собираемся судить за немецкие преступления. Финны ответят за свои собственные злодеяния. Эти «гуманисгы» с розгами будут «обособленно» наказаны.

Январь 1944 г.

Антонеску ждёт

На другом краю Европы тоже готовятся к суду. Маршал Антонеску уже разучивает защитительную речь. Пока он её произносит не перед судьями, а перед компаньонами по грабежу. Вот что говорит Антонеску:

«В оккупированных областях румыны вели себя вполне гуманно. Мы заботились о русских детях, как о собственных, мы оберегали русские семьи, как наши». Вероятно, маршал Антонеску вполне удовлетворён своим красноречием. Но ведь на суде говорит не только обвиняемый. На суде выступают и свидетели. Вот какую поправку к речи Антонеску вносит дневник румынского солдата Константина Базаджана: «Одесса, 24 октября 1941 г. Женщин и детей согнали в четыре деревянных сарая в районе трамвайного депо. Подъехал автобус-цистерна. Сарай были облиты керосином и подожжены. Женщины сбрасывали с себя горящую одежду, кричали. Дети плакали. Но все они сгорели». Я привёл только одно показание. Их много: о массовых казнях в Бессарабии, о том, как румыны в одесских катакомбах травили людей газами, о виселицах в садах некогда безмятежного Крыма.

А маршал Антонеску продолжает: «Есть на свете справедливость. Мы с доверием ждём последнего суда». Кого он думает обмануть? Тени сожжённых? Историю? Да, на свете есть справедливость, и Антонеску это вскоре почувствует.

Январь 1944 г.

Неожиданный оборот

Ефрейтор Бернгард Кальке был направлен в Норвегию, в город Мосс. Там он познакомился с фрёкен Марией (фамилия её мне неизвестна). Дуры водятся повсюду, и Мария прельстилась немецким ефрейтором. Возможно, что у Бернгарда Кальке было нечто привлекательное, например, сало или даже шоколад. Ефрейтор называл девушку «северным ангелом». Идиллия протекала благополучно.

К счастью влюблённых, весной прошлого года фюрер опубликовал в «Герес-Ферорднунгсблатт» приказ: немецким солдатам разрешалось вступать в брак с избранными девицами «нордической крови», как-то: голландками, фламандками и норвежками. Мария представила два свидетельства: о благонадёжности и об эрзац-арийском происхождении. Свадьба была назначена на 17 июля 1943 года. Здесь я предоставляю слово ефрейтору Бернгарду Кальке. Вот как он описывает происшедшее в письме, адресованном своему брату, обер-ефрейтору Горсту Кальке: «Твои поздравления запоздали. 4 июля капитан послал меня в Осло за канцелярскими принадлежностями. Там меня задержали, и я боялся, что опоздаю ко дню свадьбы. Я хотел купить Марии подарок, но магазины пустые, мне удалось выменять у одного зенитчика, недавно приехавшего из Франции, флакон духов на финский нож и сигареты. Приехав, вопреки приказу, я прямо направился к Марии, но дело приняло неожиданный оборот. Девчонку без меня успели обработать. Она объявила, что возвращает мне кольцо и все подарки и что замуж за меня не выйдет, так как все жители Мосса считают её поступок бесчестным. Как я ни пытался её успокоить, она стояла на своём. Она мне сказала: то, что я немец,

мешает ей стать моей женой и так далее. Не скрою от тебя, что я очень расстроен. Впрочем, ты мне скажешь, что это всё-таки лучше, чем сидеть среди русских снегов, и, конечно, ты будешь прав».

Вот он—«неожиданный оборот»: все народы начинают сторониться немцев, как прокажённых. Народ, возомнивший себя избранным, стал пугалом Европы. Бернгард Кальке ещё может благодарить судьбу: пока норвежцы только отворачиваются от него, скоро они начнут выражать свои чувства куда более ощутимо. Тогда Бернгард узнает то, что уже узнал Горст.

Январь 1944 г.

Офицеры

Как известно, бывший ефрейтор Гитлер не очень-то доверяет кадровым офицерам рейхсвера: он боится, что люди, хорошо знакомые с военным делом, сомневаются в его стратегических талантах. Поэтому в своём последнем выступлении фюрер старался успокоить, если не немцев, то себя, следующим: «Теперь шестьдесят процентов немецких офицеров—не кадровые офицеры».

В боях на Волхове наши части взяли немало пленных. Вот как оценивают немецкие офицеры настроения и качества обновлённого офицерского корпуса.

Обер-лейтенант Иоахим Стреле сокрушённо говорит: «Кадровые офицеры добросовестно выполняют свои обязанности, хотя у них нет ни былой уверенности, ни бывшего усердия. К сожалению, вследствие потерь наш офицерский корпус изменился. Я назову новых офицеров неполноценными. Боевые качества офицеров ухудшились. В офицерский корпус влились многие ненадёжные элементы. Я знаком с приказом Гитлера, в котором фюрер говорит, что за критику

политики германского правительства и германского командования офицеры подлежат расстрелу».

Лейтенант Петер Шейфельд утверждает: «Волна пессимизма всё более и более захлёстывает офицерский корпус. Мы, офицеры, часто говорим о будущем. Мы знаем, что немецкие войска под видом борьбы с партизанами жгут деревни и угоняют мирных жителей. Мы опасаемся, что другие народы не простят нам таких поступков. Офицеры начинают расценивать положение вполне реально».

Столь же мрачен майор Рихард Мецкер: «Среди офицеров наблюдается известное недоверие к политике Гитлера, понятное в связи с отступлением. В июле 1943 года Гитлер издал приказ: офицеры, критикующие его политику, подлежат военно-полевому суду».

Гитлер может гадать: кто хуже — кадровые офицеры или новички? Он может раздумывать: с какого края тухнет рыба — с головы или с хвоста? Ясно одно: рыба тухнет и скоро протухнет.

Февраль 1944 г.

Генерал-искусствовед

В августе 1943 года «Дас Рейх» писала: «Немецкие искусствоведы увлечены сохранением поразительных памятников Наугарда (по-русски Новгорода), в частности древнейшего Софийского собора».

В Новгороде стояла первая авиаполевая дивизия. Нужно признать, что её командир генерал-майор Вильке действительно проявлял живейший интерес к древностям Новгорода. и, в частности, к Софийскому собору. Я не стану останавливаться на поверхностных занятиях генерала, как, например, на превращении различных зданий кремля в конюшни, в кабак для господ офицеров и в уборные для фрицев. Я оста-

новлюсь на Софийском соборе. 15 мая 1943 года немецкие солдаты снимали с купола Софии позолоту. Генерал Вильке стоял внизу и с увлечением руководил работой своих подчинённых. От шофёра генерала мы узнали, зачем генералу понадобилось золото: он приказал сделать из него бокалы, подносы и пепельницы.

Может быть, генерал-майор Вильке выпил из золотого бокала по случаю завершения своих трудов как главного искусствоведа Наугарда?

Февраль 1944 г.

Нейтралитет особого типа

В 1938 году один английский журналист задал вопрос генералу Франко: «Можно ли назвать режим, установленный фалангой, фашизмом?» Генерал Франко ответил: «Нет, это режим особого типа».

Генерал Франко напрасно претендовал на оригинальность: режим в Испании чрезвычайно напоминал режим в Германии и в Италии. Города пустыли, концлагери росли, на кладбищах царило небывалое оживление, а в стране водворилась кладбищенская тишина.

Несколько дней тому назад генерал Франко еще раз торжественно заявил, что он соблюдает «строжайший нейтралитет». Я не знаю, как отнеслись к его заверению ревнители международного права, но, вероятно, многие испанцы, которые теперь бродят по заснеженным болотам и полям, узнав о заявлении генерала Франко, пышно выругались.

Посмотрим, чем заняты строго нейтральные солдаты строго нейтрального генерала. Ещё недавно они преспокойно воевали то на Волхове, то под Ленинградом, в Пушкине. Они входили в 250-ю испанскую дивизию. Но вот 18 ноября 1943 года Мад-

рид передал через Берлин приказ: «Будьте строго нейтральными». Наивный читатель подумает, что после этого испанцы сбросили с себя немецкие шинели, оставили немецкие автоматы и направились домой. Всё произошло проще и сложнее. Генерал Эстефан Инфантес действительно уехал в Мадрид, но, уезжая, он призвал своего начальника штаба полковника Антонино Гарсия Наварро и сказал ему: «Любезный дон Антонино, отныне вы будете командовать нашими brave нейтралами, которые, кстати, с сегодняшнего дня входят не в 250-ю испанскую дивизию, а в Испанский добровольческий легион. Вы смените 121-ю немецкую дивизию».

Солдаты выстроились. Капитан Хосе Бермудос Кастра произнёс речь: «Англичане недовольны. Официально дивизия возвращается в Испанию. Однако мы остаёмся здесь и будем сражаться вместе с нашими друзьями-немцами. Пусть трусы, которые хотят домой, выйдут вперёд, но предупреждаю — им не поздоровится. Таких предателей дома ждёт хорошая головомойка». Два чудака всё же вышли вперёд: «Мы не желаем быть добровольцами». Капитан обругал непокорных и послал их, но не в Испанию, а на работы — рыть землю. Остальные поняли, что они добровольцы особого типа.

Части Красной Армии, прорвав немецкую оборону в районе Волхова, увидели растрелянных кабальеро, которые метались по снегу. «Что вы здесь делаете?» — спросили нейтрального Николаса Лопеса. Он ответил: «Увы, воюем».

Конечно, хлеб — это хлеб и нефть — это нефть. Но всё же разговоры генерала Франко о «строжайшем нейтралитете» способны удивить даже в наше время, когда люди разучились удивляться.

Воистину нейтралитет особого типа.

Февраль 1944 г.

Путевые сборы

Берлинское радио сообщает: «В районе Никополя наши войска находятся в трудном положении вследствие оттепели и распутицы». Ещё раз вместо фюрера немцы высекли природу. Кто виноват в немецких поражениях? То мороз, то оттепель, то дождь, то засуха. Природа ведь не пишет опровержений. А тупоумные фрицы не спросят: почему распутица мешает немцам и помогает русским?

Тем временем немцы улепётывают во-свояси. Геббельс приказал прибыть в Германию редакциям 150 газет, которые немцы издавали на захваченных территориях. Здесь были газеты и на русском, и на украинском, и на белорусском языках. Сотрудники остались. Осталась и бумага. Исчезла только территория, на которой можно было расклеивать эти жалкие листки.

В Минске, в Пскове, в Таллине, в Ковеле царит дорожная лихорадка. Немцы несутся на запад: вместо «Дранг нах Остен» — драп нах Вестен. Удирают зондерфюреры, представители колониальных обществ, педея немецких лицеев, колбасники, генеалоги, персонал «душегубок», спецкоры «Фелькишер Беобахтер», гестаповцы, служащие Круппа и Геринга, коммивояжёры, любительницы полендвичи и повидла. Один немец пишет из Слонима: «Здесь все теперь спрашивают «сколько?» и не нужно переспрашивать — сразу понятно, что речь идёт о красных — сколько им ещё осталось километров до Слонима».

В Берлине тоже увлечены километражем. В 1943 году немцы забыли о картах. Теперь они снова разглядывают атласы. Они сидят в бомбоубежищах с учебниками географии. Корреспондент газеты «Афгонбладет» пишет: «В Берлине отмечают, что от Сталинграда до Луцка — 1 400 километров, а от Луцка до Берлина — 800». Полезная справка, но вряд ли

она успокоит берлинцев. Действительно, некая Ирма Гольц пишет своему мужу из немецкой столицы: «Здесь все говорят о чемоданах, о дороге. Бегут не только от бомбардировок, но как-то беспокойно на душе, особенно когда слушаешь радио. Гюнтер из СС «Викинг» вчера был у меня, он мрачно смотрит на общее положение, говорит, что это конец спектакля, что дело идёт к вешалке».

Здоровые слова! От себя добавлю: для одних к вешалке, для других к виселице.

Февраль 1944 г.

Содержание

<i>О вреде жадности . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>Румынские гонки . . . . .</i>	<i>4</i>
<i>Ревнивый Фриц . . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Эрзац-пророк . . . . .</i>	<i>6</i>
<i>Жалобы венгерской деви . . . . .</i>	<i>8</i>
<i>О пользе бомбардировок . . . . .</i>	<i>9</i>
<i>Немецкая сердечность . . . . .</i>	<i>10</i>
<i>Мораль . . . . .</i>	<i>11</i>
<i>Палачи сюсюкают . . . . .</i>	<i>12</i>
<i>Фриц-колбасник . . . . .</i>	<i>13</i>
<i>Заря возмездия . . . . .</i>	<i>15</i>
<i>«Великая Румыния» . . . . .</i>	<i>17</i>
<i>Живой труп . . . . .</i>	<i>18</i>
<i>Культуртрегеры . . . . .</i>	<i>20</i>
<i>Музееведы . . . . .</i>	<i>21</i>
<i>Приветствия . . . . .</i>	<i>22</i>
<i>Застенчивый лакей . . . . .</i>	<i>23</i>
<i>Вампука в Ферраре . . . . .</i>	<i>24</i>
<i>Привычка — вторая натура . . . . .</i>	<i>25</i>
<i>Несостоявшийся парад . . . . .</i>	<i>27</i>
<i>Ягодки впереди . . . . .</i>	<i>28</i>
<i>Туристы . . . . .</i>	<i>30</i>
<i>Благодетели . . . . .</i>	<i>31</i>
<i>Автогадалка . . . . .</i>	<i>32</i>

<i>Факельщики и плакальщики . . . . .</i>	<i>33</i>
<i>Их защита . . . . .</i>	<i>35</i>
<i>Принудительное доверие . . . . .</i>	<i>36</i>
<i>Друг детей . . . . .</i>	<i>38</i>
<i>Расплата . . . . .</i>	<i>39</i>
<i>Фюрер играет Гамлета . . . . .</i>	<i>41</i>
<i>Почему они отступают? . . . . .</i>	<i>42</i>
<i>Строптивые гиены . . . . .</i>	<i>43</i>
<i>Милость тестя . . . . .</i>	<i>44</i>
<i>Троянский конь . . . . .</i>	<i>45</i>
<i>Перегруппировка у Ленинграда . . . . .</i>	<i>47</i>
<i>Обособленные розги . . . . .</i>	<i>48</i>
<i>Антонеску ждёт . . . . .</i>	<i>50</i>
<i>Неожиданный оборот . . . . .</i>	<i>51</i>
<i>Офицеры . . . . .</i>	<i>52</i>
<i>Генерал-искусствовед . . . . .</i>	<i>53</i>
<i>Нейтралитет особого типа . . . . .</i>	<i>54</i>
<i>Путевые сборы . . . . .</i>	<i>56</i>

Редактор Б. Биндэр

Подписано в печать 27 апреля 1944 г. Тираж 50.000 экз. А 8009.
Объём 1 $\frac{1}{2}$ п. л. Заказ № 224. Цена 50 коп.

3-я типография «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига»
Огиза при СНК РСФСР. Москва, Краснопролетарская, 16.